

Ф. Е. Корш, В. В. Латышев, И. В. Помяловский, Н. П. Кондаков, Г. Э. Зенгер, А. Н. Шварц, В. В. Мусселиус и др. Подкомиссия подготовила два проекта плана гимназии с двумя древними языками⁹⁴. Согласно плану, предложенному Кедровым и Латышевым, преподавание латинского языка начиналось с 1-го класса, а греческого — с 3-го. Никитин предложил отодвинуть на год позже начало изучения каждого из древних языков и ввести в гимназиях обязательное обучение двум новым языкам, увеличить число уроков по математике и истории, ввести курсы логики и природо-ведения, иными словами, он пошел навстречу обоснованным требованиям, предъявляемым к средней школе.

Никитина поддержали Зенгер, Кондаков, Лавровский, Корш и Мусселиус, но в проект Устава гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения (СПб., 1901) вошел вариант с более ранним началом изучения древних языков. Впрочем, Н. П. Боголепов не успел провести законодательным путем свою реформу, он умер от раны, нанесенной ему студентом 2 марта 1901 г., а назначенный на его место генерал-адъютант П. С. Ванновский повел преобразование средней школы в совершенно другом направлении: он выступил с проектом единой универсальной школы, которая должна была одновременно удовлетворить практические запросы жизни и подготовить будущих слушателей университетов. Окончательное рассмотрение этого проекта было остановлено с уходом Ванновского из министерства 11 апреля 1902 г. Пока проходило обсуждение этого и новых проектов, само собой шло медленное вымирание древних языков в средней школе.

На посту ректора университета

Вскоре после выступления Никитина с критикой предложенной министерством реформы историко-филологических факультетов, в декабре 1890 г., он был назначен ректором Петербургского университета. Что заставило Министерство народного просвещения сделать такой выбор?

Это было тяжелое для университета время. Последним выборным ректором был избранный в 1883 г. юрист И. Е. Андреевский, принадлежавший к либеральным профессорам. Андреевский старался смягчить действие нового устава, но именно в его ректорство произошло так называемое второе «первое марта» 1887 г., когда было предупреждено покушение

⁹⁴ Там же. Вып. I. Журналы комиссии. СПб., 1900. Журнал XXIV заседания 23 февраля. На правах рукописи. С. 289; Вып. II. Труды подкомиссий. СПб., 1900. Подкомиссия по устройству гимназий с двумя древними языками. На правах рукописи. С. 31–35.

на жизнь Александра III, в котором участвовали и студенты Петербургского университета.

В новом учебном году ректором уже был профессор философии М. И. Владиславлев, представивший правительству записку о мерах к оздоровлению университета. Слухи об этой записке, по словам Н. И. Кареева, были самые чудовищные. «Но и без слухов, — продолжает Кареев, — деятельность Владиславлева обозначилась в самом репрессивном направлении»⁹⁵. При нем были закрыты научно-литературное общество и студенческая читальня, полицейские меры инспекции были усилены. И по воспоминаниям Жебелева, ректором он был строгим и ни в чем не потакал студентам, требовал, например, чтобы они ему при встрече кланялись, а провинившимся делал внушение. Один попавшийся на этом студент в шутку сказал в свое оправдание: «Извините, я Вас не заметил», хотя не заметить высокую и грузную фигуру Владиславлева было невозможно⁹⁶. Не сложились у ректора и отношения с профессурой: уже на первом заседании Совета он разразился такой речью против поведения профессуры, что вызвал ее протест. Однако именно Владиславлев вынес на своих плечах всю тяжесть нового положения. Вынес, пока хватило сил: ни для кого не было тайной, что именно ректорство свело его в могилу в 1890 г. После смерти Владиславлева обязанности ректора исполнял Помяловский, но он вскоре попросил от них его освободить.

По словам Зелинского, это было внушительное предостережение для его преемника. В сущности, считает Зелинский, «Владиславлев был человек не злой и не дурной, а скорее мягкий и добрый: язва заключается в самой системе, несовместимой с характером высшей школы как органически автономного заведения. Только выдающиеся личные качества носителя высшей университетской власти могли уравновесить этот органический дефект, заключавшийся в самом сопоставлении слов „ректор по назначению“. Но именно эти личные качества и оказались у Петра Васильевича, когда он принял тяжелое наследие ректора, умершего от ректорства»⁹⁷. «В полном убеждении в твердости нравственных правил» Никитина были как его коллеги по университету, так и высшее начальство.

Министр народного просвещения Делянов в своем докладе Александру III рекомендовал на должность ректора Никитина, которого он знал «с самых юных лет, в течение 23 лет» как «искреннего верноподданного», у которого дело никогда не расходилось со словом и на добросовестность

⁹⁵ Кареев Н. И. Прожитое и пережитое. С. 184.

⁹⁶ Жебелев С. А. Из университетских воспоминаний (1886–1890 гг.). С. 169.

⁹⁷ Зелинский Ф. Ф. Памяти Никитина. С. 4.

которого можно вполне положиться. «Эти прекрасные качества в ректоре университета, как показал опыт, конечно, не всегда могли служить гарантией против возникающих беспорядков, большей частью происходящих от зловредных влияний извне; но при занятии ректорского поста такими лицами, какими были покойный Владиславлев, Помяловский и каким, без сомнения, должно считать Никитина, высшее начальство может, по крайней мере, быть уверенным, что истина не будет скрыта и что заискивание преступной в служащем лице популярности не будет иметь места»⁹⁸.

Научные заслуги Никитина были признаны высшей ученой коллегией России: в 1888 г. Имп. Академия наук избрала его в свои члены. Делянову, по-видимому, были хорошо известны и твердые взгляды Никитина на задачи высшего образования, а также и то, что Никитин считал главным и единственным предназначением университета научные занятия студентов и профессоров и любые политические выступления в нем недопустимыми, как парализующие учебную и научную деятельность. Никитин с большим сочувствием и симпатией относился к студентам, хорошо понимал их психологию, но не отступал от своих принципов. Не последнюю роль в назначении Никитина сыграло, по-видимому, и то обстоятельство, что Министерство народного просвещения в эти годы уже привыкло доверять филологам-классикам руководящие посты (в эти годы около 70 % директоров и инспекторов гимназий были классики). Эта тенденция впоследствии привела к тому, что ученые этой специальности Э. Г. Зенгер, А. Н. Шварц были министрами народного просвещения.

Никитин занял пост ректора в то время, когда университет готовился отметить в 1894 г. свое третье 25-летие⁹⁹. По словам Зелинского, «празднования двадцатипятилетних годовщин, уступая столетним в торжественности, более их способны навевать на празднующих полуотрадное, полугрустное раздумье»¹⁰⁰. Заранее была сформирована юбилейная комиссия, которая в 1892 г. приступила к изданию «Биографического словаря про-

⁹⁸ РГИА. Ф. 744. Оп. 1. Д. 103. Л. 5–5 об.

⁹⁹ *Rectori et Senatui Inckutae Universitatis Patavianaе S. Universitas Caesarea Petropolitana litteris vestris acceptis, quibus memoriam Galilaei Galilaei vos proxime honoratus esse significastis, laeto animo vobis se adjungit, universitati Patavinae quae per septingentos annos litterarum disciplinarumque studiis promovendis utilissimam operam navavit hos dies festos gratulatur, ejusque lumen insigne Galilaeum Galilaeum mechanices, astronomiae, physicomum, mathematicorum investigatorem acerrimum inventoremque in his felicissimum, pia ac grata memoria prosequitur*: Протоколы заседаний Совета С.-Петербургского университета за осеннее полугодие 1892 г. СПб., 1893. № 47. С. 15.

¹⁰⁰ Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1893 год, составленный орд. проф. Ф. Ф. Зелинским. С Приложением речи э. о. проф. В. М. Шимкевича. СПб., 1894. С. 2.

фессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета» и соби-
ралась подготовить «Материалы к истории университета за последнее
двадцатипятилетие»¹⁰¹. В университетских коридорах и аудиториях были
развешены портреты заслуженных деятелей университета¹⁰². Началось
строительство нового здания химической лаборатории, а в 1893 г. было
признано желательным провести в университетских зданиях электричес-
кое освещение.

В 1891 г. университетская библиотека была переведена в особое обшир-
ное и специально приспособленное трехэтажное помещение. Для пожар-
ной безопасности новое помещение было отделено от остальной части
университетского здания каменным брандмауэром, в нем были сделаны
каменные своды, устроено водяное отопление и поставлены пожарные
краны¹⁰³. Сам Никитин, по свидетельству Жебелева, был одним из постоян-
ных и щедрых дарителей университетской библиотеки¹⁰⁴.

Петр Васильевич мало говорил, но много делал. Студенты ценили
прямоту Никитина, его умение сказать прямо в глаза просителю: это сде-
лать можно, этого сделать нельзя. И они знали, что в первом случае то,
что обещано ректором, будет им сделано, что во втором случае — всякая
настойчивость бесполезна¹⁰⁵. По словам М. И. Ростовцева, их уверенность
«в кристальной чистоте его духовного облика была так крепка, что часто

¹⁰¹ Биографический словарь профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского уни-
верситета за истекшую третью четверть века его существования. 1869–1894. СПб., 1898.
Т. 1–2. Материалы изданы не были.

¹⁰² Протоколы заседаний Совета С.-Петербургского университета за весеннее полугодие
1891 г. СПб., 1892. № 44. С. 28.

¹⁰³ Всеподаннейший отчет министра народного просвещения за 1891 год. СПб., 1895.
С. 63.

¹⁰⁴ Жебелев С. А. Никитин (некролог). С. 70. О том же говорят и записи в инвентарных
книгах, хотя записи о дарителях появились в них только в 1900-е гг. Но и оставив в 1900
г. службу в университете, Никитин не прерывал связи с ним и его библиотекой, и его дары
отмечены в рукописных инвентарях, хранящихся в Научной библиотеке СПб университета:
Инвентарь библиотеки Санкт-Петербургского университета. 1904–1907 г. Л. 345 об. №
6608-6620, л. 379. № 9017-9025 (1906); То же. 1907–1909 г. Л. 112-112 об. № 5111-5153
(1908), л. 245 об.-246. № 3905-3915 (1909); То же. 1910–1912 г. Л. 114. № 7185–7190 (1910),
л. 265. № 2510–2515, л. 277. № 3226–3228, л. 348. № 7044 (1911), л. 456. № 1672–1679,
л. 469. № 2335–2339 (1912); То же. 1912–1914. Л. 3. № 2679–2682, л. 18 об. № 3388–3389
(1912), л. 174–174 об. № 1980–1989, л. 312 об. № 9906–9909 (1913), л. 390. № 2686–2690,
л. 403. № 3233, л. 426. № 3983 (1914); То же. 1914–1918. Л. 17 об. № 5395, л. 24 об. №
5662–5665, л. 31. № 5903, л. 40 об. № 6284–6285 (1914), л. 105 об. № 2016, л. 127–127
об. № 2891–2892, л. 136 об. № 3171–3172, л. 149. № 3626–3627 (1915), л. 197. № 1075–
1077, л. 221. № 1979, л. 225. № 2138, л. 230. № 2310–2311. Благодарю Н. И. Николаева
за предоставленные сведения.

¹⁰⁵ Жебелев С. А. Никитин (некролог). С. 69.

одна его фраза, улыбка или сдержанная, никогда не злостная насмешка действовали сильнее, чем длинные укорительные или хвалебные речи»¹⁰⁶.

Никитин умел заботиться о своих учениках, и подчас его вовремя поданный совет решал их судьбу. Например, по рекомендации Никитина А. А. Васильев получил стипендию и отправился в заграничную командировку. О том, как это произошло, много лет спустя он рассказывал в письме Жебелеву: «На четвертом курсе я получил золотую медаль за работу об Анастасии»¹⁰⁷, а Рункевич свою вторую золотую медаль за работу о Равенском экзархате. Обе работы были написаны, конечно, у Васильевского... На акте, в качестве ректора, Никитин читал о нас отзывы, а по приходе домой сказал своим: „А ваш танцор Васильев получил золотую медаль!“ Ни для кого не секрет, что в то время я увлекался Елизаветой Петровной, я стал ходить к Никитиным, сделался своим человеком у них; каждое воскресенье приходил обедать; с Елизаветой Петровной играли много в четыре руки; была она прекрасная музыкантша. В то время, с 1892 г., когда я кончил университет, я стал давать уроки латинского и греческого языков в Первой гимназии, в которой я сам учился... К 1895 г. я уже имел 24 часа, так что на мою научную работу времени не хватало. Магистерские экзамены я все-таки выдержал, но от работы стал отходить. Васильевский это чувствовал; чувствовал это и я. И вот в этот момент Никитин и его жена сыграли в моей жизни решающую роль. Как-то у них за обедом они вдруг мне сказали: „Почему бы Вам не поехать в заграничную командировку? Попробуйте!“ Я об этом уже и не мечтал. Но эти слова, сказанные так тепло и искренно, оживили меня. Я пошел к Васильевскому. Он мне сказал: „Да я думал, что Вы уже отказались от научного будущего?!“ Начал хлопотать. Васильевский и Никитин поддержали. Декан И. В. Помяловский отнесся сочувственно. Летом 1897 г. мне дали 600 руб. пособия и я уехал в Париж. С января 1898 г. я получил стипендию в 1200 р. В конце 1898 г. я приехал в Петербург уже с написанной диссертацией»¹⁰⁸.

Время «правления» Никитина не было омрачено конфликтами или разногласиями между ректором и Советом университета, и по единодушному мнению профессоров, эта была заслуга в первую очередь Петра Васильевича. Никитин имел репутацию миротворца. Несмотря на некото-

¹⁰⁶ Ростовцев М. И. Памяти Петра Васильевича Никитина. С. 3.

¹⁰⁷ Протоколы заседаний Совета С.-Петербургского университета за весеннее полугодие 1892 г. СПб., 1892. № 46. С. 12: «Сочинение студента Александра Васильева на тему „Хронографическое обозрение царствования императора Анастасия I“ удостоить награды золотой медалью».

¹⁰⁸ ПФА РАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 18. Л. 196–197 об. Письмо А. А. Васильева С. А. Жебелеву от 2.09.1931.

рую внешнюю суховатость Петра Васильевича, его безграничная справедливость; его органическая неспособность давать голос каким бы то ни было личным или иным соображениям там, где должна была говорить правда, снискали ему расположение коллег и студентов. В министерстве, по-видимому, Никитиным тоже были довольны и готовы утвердить его по истечении четырех лет на новый срок.

Сам Никитин по истечении первого четырехлетия собирался сложить с себя обузу, но весь Совет *in corpore* со старшим деканом бар. Розеном во главе отправился к нему просить его, чтобы он сохранил ректорство и на следующее четырехлетие. «Никогда не забуду этой сцены: — вспоминал Зелинский, — чувствовалось, что присутствуешь при чем-то великом, что в узкой рамке университетского быта разыгрывается человеческая, гражданская драма. Петр Васильевич пожертвовал собой, — и, конечно, он это знал. Правда, свое второе четырехлетие он начал под блестящим ореолом этой чрезвычайной чести: формально „назначенный“ он на деле был нашим избранным, и притом единогласно избранным, ректором»¹⁰⁹.

Среди студентов были и такие, которые в чаду увлечений готовы были поднять студентов в поддержку ректора, не подозревая по своей наивности, что ректор менее всего нуждался в такой поддержке и таком способе выражения ему доверия и признательности¹¹⁰. Именно нарастающее студенческое движение было той грозой, против которой Никитин не мог устоять, как не мог бы устоять никто другой. Студенческое движение, насильственно загнанное в подполье крутым режимом устава 1884 г., столь же насильственно стало пробиваться наружу, на поверхность. «Принцип всегда безжалостен, — сочувствовал Никитину Зелинский, — тонкая, чувствительная душа Петра Васильевича очутилась как между двух жерновов, между двумя принципами, одинаково жестокими и безжалостными»¹¹¹.

В марте 1897 г. случилась «ветровская» демонстрация у Казанского собора — панихида по революционерке М. Ф. Ветровой, покончившей жизнь саможжением в Петропавловской крепости. В демонстрации приняли участие 5000 учащейся молодежи, в том числе студенты Петербургского университета. Демонстранты пытались пройти по Невскому проспекту, но были окружены конной полицией и разогнаны. Для Ники-

¹⁰⁹ Зелинский Ф. Ф. Памяти Никитина С. 4. Никитин был назначен ректором на четыре года с 19.12.1894: Протоколы заседаний Совета С.-Петербургского университета за 1895 г. № 51. СПб., 1896. С. 15.

¹¹⁰ Кареев Н. И. Прожитое и пережитое. С. 204–205.

¹¹¹ Зелинский Ф. Ф. Памяти Никитина. С. 4.

тина как ректора эта демонстрация протеста имела последствием нервное потрясение, болезнь, санаторий и отставку¹¹². По предложению исполняющего с мая 1897 г. должность ректора В. Р. Розена Совет послал Никитину, находившемуся на лечении в Висбадене, телеграмму с пожеланиями полнейшего и скорейшего выздоровления и восстановления сил. Петр Васильевич незамедлительно ответил на эту телеграмму В. Р. Розену: «От глубины души благодарен Вам, дорогой Виктор Романович, и всем многоуважаемым членам Совета за добрую память и благие пожелания. Моя признательность тем живее, чем яснее я сознаю, как мало я сделал для того, чтобы заслужить честь, оказываемую мне такими изъявлениями истинно дружеского сочувствия. Не трудно любить и уважать такое учреждение, как Петербургский университет, и я не отрицаю, что с тех пор, как принадлежу ему, я всегда искренно желал служить его пользам и чести по мере моих сил и умения; но эта мера была слишком мала, а потому и это желанье слишком часто оставалось тщетным и бесследным»¹¹³.

Авторитет Никитина был столь высок, что историко-филологический факультет сразу после его ухода с поста ректора, 1 декабря 1897 г., избрал его своим деканом, и эту должность Никитин исполнял до своего назначения вице-президентом Академии наук в 1900 г.

Студенческие волнения в 1899 г.

Через год после ухода Никитина с поста ректора в Петербургском университете усилились студенческие волнения, которые взбудоражили петербургское общество и отозвались по всей России. 8 февраля 1899 г. в Петербургском университете должен был состояться торжественный акт

¹¹² Никитин получил отпуск с 1.04. по 15.09. 1897 г.: Протоколы заседаний Совета С.-Петербургского университета за 1897 г. СПб., 1898. № 56. С. 36. Заседание 20.05.1897.

¹¹³ ПФА РАН. Ф. 777. Оп. 2. Д. 311. Л. 4. Письмо Никитина В. Р. Розену 23.05.1897. Петр Васильевич писал Розену о ходе своего лечения, ни на минуту не забывая даже о ничтожных своих обязательствах: «Мое выздоровление, насколько я сам могу судить, идет удовлетворительно... Лечусь я почти исключительно праздностью. Все условия курортной жизни, а особенно созерцание тысяч людей, празднующихся в парке или толкущихся у колодца, так располагают к ничегонеделанью, что пока я боюсь одного: как бы не отвыкнуть от всякого труда. Если бы не семейные и денежные хлопоты, то и подумать серьезно было бы не о чем. Правда, порой и они бывают не легки, а все не то, что хомут службы. Чтобы не вспоминать о нем, воздерживаюсь от вопроса, который готов был вырваться из-под моего пера: что нового в университете?.. И еще просьба к Вам, как председателю Правления. Служивый, прислуживающий в ректорском флигеле, по имени Феон, по фамилии — не помню как, намеревался просить на каникулярное время недель на шесть отпуск в деревню. Человек он замечательного усердия, честности и деловитости и заслуживает всякого поощрения...». Там же. Л. 2 об.—3. Письмо 8.05.1897.